

ТАЙНЫ КРЕМЛЁВСКОЙ
БОЛЬНИЦЫ

**ПРАСКОВЬЯ
МОШЕНЦЕВА**

КРЕМЛЁВСКИЕ ПАЦИЕНТЫ

**КАК УМИРАЛИ
ВОЖДИ**

Прасковья Николаевна Мошенцева

Кремлевские пациенты, или Как умирали вожди

Серия «Тайны Кремлевской больницы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373245

Тайны Кремлевской больницы.: Алгоритм; Москва; 2012

ISBN 978-5-906880-85-7

Аннотация

Автор этой книги более тридцати лет работала врачом в Кремлевской больнице: Прасковье Мошенцевой довелось лечить Сталина, Хрущева, Брежнева, Громыко; ее пациентами были маршалы Жуков, Рокоссовский, Василевский, композитор Шостакович, певцы Лемешев и Рейзен, писатели Шолохов и Твардовский, многочисленные "Кремлевские жены и дочери".

Именно в Кремлевской больнице готовились медицинские заключения о болезнях и причинах смерти всех советских руководителей и крупнейших деятелей культуры.

П. Мошенцева приоткрывает завесу тайны над тем, как это делалось и что скрывалось за строчками официальных медицинских документов.

Содержание

Вместо предисловия, или шутка классика	4
Тамбовская волчица	12
Деревня Паревка и река Ворона	12
Лицо на почтовой марке	15
Легенда о прадеде-убийце	18
Отец и Антоновское восстание	22
Цыганенок и колдунья	26
Первая операция	29
Грустные песни мамы	31
Детский дом и покровитель Василий	35
Техникум, голод и монашка Феня	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Прасковья Николаевна Мошенцева Кремлевские пациенты, или Как умирали вожди

Вместо предисловия, или шутка классика

На склоне лет сон пропадает и никакие таблетки не могут помочь. Ищу в памяти что-нибудь хорошее, чтобы забыться хотя бы часа на два, на три... То детство вспоминаю, то привычную дорогу в свою бывшую больницу.

На работу я всегда ходила пешком из дома, что в Лаврушинском. Его еще называли «писательским». Шла по Большому Каменному мосту, по Малому Каменному, по Александровскому саду. Потом ныряла в проход и оказывалась на улице, где и стояла наша больница. Одной стороной она выходила на Новый Арбат, тогда это был проспект Калинина. А второй стороной – на улицу Грановского. Больницу так и называли: больница на Грановском или «кремлевка», хотя никакой вывески на здании не было. Очень любила я эти утренние прогулки.

А во сне почему-то всегда вижу другое: молодые лица и умоляющие глаза моих больных во время войны... И снова слышу эти тяжелые слова: «газовая гангрена... столбняк... ампутация...» И снова беру скальпель и режу, режу живую ткань...

Кремлевские больные снятся мне редко... Разве что нога из-за занавески с огромным нарывом на большом пальце, которая тычется мне прямо в лицо. В этот момент я всегда просыпаюсь и уже наяву начинаю вспоминать, как было на самом деле.

Однажды незнакомый человек позвонил в мою дверь и сказал, что подана машина, уже готовы все инструменты и стерильные материалы, а мне надо срочно собраться. Нам никогда не говорили, куда и к кому нас везут. Не сказали и в этот раз. Задавать вопросы было запрещено. Приехавший сообщил только, что, возможно, придется прибегнуть к небольшому оперативному вмешательству. А в общем – ничего необычного.

И действительно, выезжаем с медсестрой на специальной машине, оборудованной всем необходимым, включая стерильные хирургические инструменты. Стекло у машины такое, что изнутри ничего не видно.

Приехали куда-то за город. Привели нас на второй этаж дома дачного типа. Входим в спальню. В ней почти никакой мебели. Кровать, догадываюсь, за занавеской. Сопровождающий показывает, где мне расположиться.

Огромная и пустая комната и мрачные тяжелые занавески. Еще по пути сопровождающее лицо, человек неопределенной внешности, словно в маске, вежливо сказал:

– Вы должны делать все молча, никаких вопросов и разговоров.

Занавеска раздвинулась, и я увидела ногу. На большом пальце был огромный нарыв. Я стала делать все, что в таких случаях полагается, – обезболила, вскрыла, промыла. Сестра подавала инструменты. Тоже молча. За все время я произнесла самые необходимые слова, чтобы все-таки больной за занавеской услышал:

– Придется часть ногтя удалить.

За занавескою молчали. Ответил сопровождающий:

– Делайте все, что считаете нужным.

Операция длилась около двух часов. Невидимый мужчина лишь иногда судорожно вздыхал – какую-то боль он, конечно, испытывал.

Под конец я сказала, что завтра необходимо приехать еще раз: посмотреть палец, перевязать. Сопровождающий кивнул, поблагодарил меня, и мы уехали.

На следующий день я узнала, что к невидимому пациенту поехал заведующий нашим хирургическим отделением.

Прошло несколько лет. По случаю какого-то праздника в ординаторской устроили чаепитие. Собрались всем отделением. Сидим, разговариваем. Заведующий, Иван Васильевич Дьячков, вдруг меня и спрашивает:

– Вы всех своих пациентов знаете?

Я удивилась.

– Теперь, конечно же, всех.

А это были уже хрущевские времена.

– А вот и нет! – говорит Иван Васильевич, хитро улыбаясь. – Одного не знаете! Помните, вы ездили на вызов вместо меня? По поводу большого пальца на ноге? Знаете, кто это был? Сталин.

Тогда я подумала, что мало кто из нас, врачей, знал Сталина как своего пациента. Здоровым его назвать было нельзя, но и лечиться он не любил: никому не доверял, и, наверное, более всего – врачам.

Сталин был единственным больным-невидимкой. Всех остальных я, конечно, знала в лицо и до сих пор помню. Кого только не приходилось оперировать и лечить за тридцать лет работы в «кремлевке»! Жукова и Рокоссовского, Королева и Шостаковича, Хрущева и Брежнева... А еще Утесова, Лемешева, Яблочкину, Шолохова...

Так и звенит в ушах голос главного врача больницы Беззубика Владимира Григорьевича:

– Прасковья Николаевна, прошу принять одного пациента. Я знаю, больных у вас много, но это особый случай. Только, пожалуйста, сначала познакомьтесь с историей болезни. Медицинская сестра уже несет ее вам.

А я уже собралась идти домой после суточного дежурства и бесконечной двойной смены. А тут на тебе – снова работа!

Конечно, про себя чертыхнулась: «вот эксплуататоры!» Но делать нечего: больной – прежде всего.

Читаю историю болезни: «Шолохов Михаил Александрович...» – и далее на трех последующих страницах расписан диагноз и настойчивая рекомендация врача о немедленной госпитализации. Но, по-видимому, Михаил Александрович не внял совету местного доктора. Далее неровным почерком записано: «Больной категорически отказался от госпитализации и выпроводил врача (это мягко сказано). И так повторялось три дня».

«Ну и ну! – подумала я. – Теперь мне предстоит нелегкий бой со знаменитым писателем. Судя по всему, человек он своевольный, капризный. Да и время на лечение терять не хочет. Вот почему главный врач попросил меня его принять: надеется, что я-то справлюсь с таким пациентом».

Только попыталась собраться с мыслями, как вдали в коридоре показалась каталка с Михаилом Александровичем. Я пошла навстречу, представилась:

– Здравствуйте, Михаил Александрович. Я – ваш лечащий врач, зовут меня Прасковья Николаевна. Что беспокоит в данный момент, как самочувствие?

Шолохов мой вопрос пропустил мимо ушей и авторитетно заявил, что он поступил в больницу только на несколько часов, и приказным тоном добавил:

– Посмотрите меня и сразу же выпишите!

Откровенно сказать, первый раз в моей практике больной

ставил врачу подобный ультиматум.

Я решила попробовать его переиграть. А что поделаешь? Шолохов есть Шолохов.

Времени было мало. Сразу же отдала распоряжение сестре:

– Быстро больного в перевязочную!

В перевязочной я осмотрела Михаила Александровича и согласилась с диагнозом поликлиники. У больного был острый геморрагический артрит коленных суставов. Шолохову я строго сказала:

– Необходима пункция.

Сделав хорошенько обезболивание, приступила к манипуляции. Большие шприцы быстро наполнялись кровянистым содержимым. Я выливала эту жидкость в таз, при этом показывала больному и сокрушенно приговаривала:

– До чего же вы себя довели, Михаил Александрович!

Больной притих. Воспользовавшись паузой, я моргнула сестре, которая догадалась, что ей следует делать. Больного быстро повернули на живот, наложили гипсовые лангеты, хорошо забинтовали и отвезли в палату. Только в палате Шолохов понял – это надолго.

Но, безусловно, ему стало легче. Хитро улыбаясь, вдруг спросил:

– Скажите, пожалуйста, откуда вы такая?

– Какая? – удивилась я в ответ.

– А такая... Как волчица, набросились на меня, не дав

опомниться, превратив меня в гипсовую статую... И вот я оказался в плену, да у кого? У женщины, хоть милой, но женщины. – Посмотрел на меня внимательно и повторил: – Настоящая волчица!

Тут уж я не выдержала и рассмеялась.

– Михаил Александрович, вы угадали. Я же тамбовская. Шолохов совсем развеселился, прямо аж залился смехом. – Вот совпадение – тамбовская волчица...

В общем, лед между нами растаял. Мы быстро нашли общий язык и даже подружились. Михаил Александрович оказался добрейшим человеком. Любил пошутить, держался доступно и просто. Глаза у него были хитроватые, веселые. Когда во время обхода, утреннего или вечернего, я заходила к нему в палату, всегда говорил:

– Прасковья Николаевна! Ну что вы все ходите да ходите... Присели бы на минутку, рассказали бы что-нибудь о себе. Кто вы? Что вы? Как вы? Кое-что я о вас слышал. Но сами-то расскажите что-нибудь. Сядьте.

Как-то во время дежурства я присела возле его кровати.

– Вы же называли меня волчицей... Так вот, расскажу вам про волков. Недаром существует выражение «тамбовский волк».

Шолохов слушал очень внимательно, ни разу не перебил, не задал ни одного вопроса. Потом сказал:

– Знаете что... Вы интересно рассказываете... Но не только сам случай интересный. Вы и писать можете. Пишите!

Я удивилась:

– Как писать?

Он сказал:

– Да вы так рассказали, что я даже запятую нигде бы не переставил.

Я опять спрашиваю:

– Что? Прямо так взять и писать?

Он говорит:

– А что? Вы, наверное, свое настоящее призвание поменяли на профессию доктора.

Конечно, это была шутка. Ему хотелось сказать мне приятное. Но спустя много лет что-то заставило меня сесть за письменный стол и задуматься: кто я? что я? как стала кремлевским хирургом?

Тамбовская волчица

Деревня Паревка и река Ворона

Родом я из села Паревка Инжавинской волости Тамбовской губернии. Когда-то давно на месте нашего села стояло глубокое озеро, окруженное лесами. Озеро постепенно высохло, и осталась впадина, по которой проложила себе русло речка Паревка. На правом, крутом ее берегу теснились покосившиеся домишки. Эта сторона села называлась Ключевкой. Здесь было множество родничков. Самый большой бил из отвесной каменистой горы. Родник прозвали святым. Вода из него не портилась годами и считалась целебной.

На другой стороне реки раскинулась основная часть села – Ольховка. Дома здесь стояли в несколько рядов и принадлежали в основном крестьянам зажиточным. Помню, ольховские дети обзывали ключевских голытьбой, задирались, бросали камни. Ключевские не оставались в долгу, пуская в ход комки глины, наклепанные на веточки ивняка, – нечто вроде стрел. Эти снаряды частенько достигали своей цели, так как ключевские занимали более выгодную позицию – стреляли сверху.

Очень украшала окрестности красавица река Ворона, в которую впадали другие, более мелкие реки, сродни нашей

Паревке.

Мне довелось объездить много стран, но подобной красоты я нигде не видела. Правый берег, гористый, на многие километры покрытый лесами, являлся как бы продолжением нашей Ключевки. Леса славились могучими дубами. Как богатыри, возвышались они над другими деревьями. Кроны их смыкались, образуя шатер. В траве синели колокольчики и белели крупные ромашки.

Река, извиваясь и петляя по низине, образовывала на своем пути озера. С вершины горы можно было увидеть островки, заросшие травой и камышами. Во время половодья они скрывались под водой. Помню, что река казалась мне морем. Бывало, идешь вдоль берега и создается впечатление, что вода в реке возвышается над берегами.

В реке водилось много рыбы и раков. Большими стаями летали дикие утки. Ворона была нашей кормилицей, особенно выручала в голодные годы. Кормил и лес, где обитало множество зверей: дикие кабаны, рыжие лисицы, зайцы, медведи. Особенно много было волков, которых в Ключевке остерегались. Они досаждали, как правило, зимой, когда, оголодавшие, ночью подходили к деревне. Обычно нападали всей стаей. Первым пробирался во двор вожак, за ним – остальные. Волчий вой, лай и визг собак, блеяние овец... Иногда волки нападали на людей. Единственным оружием в нашей семье служила железная заслонка от печной трубы. Дедушка брал кочергу и колотил по ней изо всех сил. Звук

этот не нравился волкам, но они все равно не уходили без добычи.

Родилась я за четыре года до революции в бедной части села, в полуразрушенной избушке. Говорят, что схватки у моей матери начались в тот момент, когда свекровь выталкивала ее на улицу, а муж старался втолкнуть обратно в дом.

Через несколько дней после родов мама со мной на руках и моей сестренкой, двухлетней Таней, ушла от мужа в дом своего отца. Я завершила счет семейству, которое состояло из шестнадцати человек.

Лицо на почтовой марке

Главой нашего семейства был мой дед – Афиноген Аксенович Трегубов. По сути, он заменил мне отца. Ему в то время не было и сорока пяти. Бабушка Аксиныя вскоре после маминого возвращения умерла от туберкулеза.

Дед родился в семье зажиточной, где был хороший дом, сад, огород, большое поле, лошади, коровы и другая живность. Детей росло двое, и оба мальчики. А дальше – как в сказке. Старший, любимый сын, женился на некрасивой, но богатой. Младший, мой дед, послушался отца и женился по любви – на красивой, но бедной. Отец выгнал сына из родного дома, не дав ничего на обзаведение.

Тогда дед поселился в Ключевке. Земля там была бросовая. Даже за водой нужно было спускаться с горы и идти к далекому колодцу. Да еще по несколько раз в день: надо было и поить скотину, и поливать огород.

Жили все мы в избенке под соломенной крышей, с сенями, сколоченными из тонких жердей. Помню, что пол был земляной. В доме стояли большая печь с полатами, длинный стол, слаженный из досок, лавки. Посредине комнаты – люлька, в углу – разобранный ткацкий станок, а над ним – икона Божьей Матери с лампадой. В сенях держали кочергу, рогач, два больших чугуна, лохань да два деревянных ведра. Больше не было ничего.

Нищета была удручающая. Дети спали в чем ходили. Одежда, мальчиковая и девчоночья, состояла из самотканых конопляных рубашек и штанов.

Летом бегали босиком или ходили в лаптях, которые плел дед. Зимой – одни валенки на троих. Их тоже валяли сами, они переходили от старших к младшим. Нам с сестрой Таней достались валенки несколько раз подшитые, латаные, не по размеру – мы проваливались в них почти с головой. Поэтому на улицу по нужде даже зимой предпочитали бегать босиком. На всю жизнь запомнилось ощущение тающего снега на ногах. Да еще когда бежишь туда и обратно, по пути кого-нибудь толкнешь или сама сядешь голой попой в снег. И все нипочем! У нас даже насморка никогда не было.

Жили дружно. Даже мы, дети, не знали, что такое драка. Все шло от деда. Его слово было законом для семьи. Нет, он не был деспотом, напротив – весь облик его излучал доброту. Она светилась в черных глазах, в улыбке. Он был задумчив, молчалив. Но если уж что скажет, послушаться его никому и в голову не приходило. Вдовцом дедушка остался рано и больше не женился...

– Хорошая, – говорил он, – разве на нашу бедность пойдет? Да и детей слишком много... А жениться на плохой... Так она только раздор принесет.

После Октябрьской революции жить нам стало легче. Мы первыми вступили в колхоз. Дедушку назначили инспектором района по качеству урожая. Он определял сроки посе-

ва и сбора урожая. У него были волшебные, необыкновенно чувствительные руки. Он погружал пальцы в почву и на ощупь мог определить, когда надо начинать сеять, когда полоть, когда собирать урожай. В каком-то смысле он был экстрасенсом. Думаю, что именно от деда я унаследовала некоторые экстрасенсорные способности. Мои руки тоже очень чуткие. Может быть, поэтому я и стала хирургом...

Дед дважды избирался делегатом на областной съезд колхозников. А его лицо было запечатлено на советской почтовой марке, которая долгое время была в ходу. Может быть, и сейчас находится в какой-нибудь коллекции.

Легенда о прадеде-убийце

Любопытно, что основателем нашего рода был грек. Как он попал в Тамбовскую губернию, трудно объяснить. Женился на русской и остался в России навсегда. В нем ли дело или в чем другом, но семейные предания хранят много мрачных страниц из истории нашего рода. И якобы особенно страшным человеком был отец горячо любимого мною деда, мой прадед. Он славился невероятной жестокостью. Дедушка совсем с ним не общался, потому что тот насмерть забил его старшую дочь, свою внучку. Звали ее Аксинья. Когда дед уже был выселен из отчего дома, Аксинья зашла в сад, где они жили прежде, и залезла на вишню. Стала рвать ягоды, прадед увидел, поймал девочку и бил до тех пор, пока она не умерла... Вроде бы после этого наша семья порвала с ним всякие отношения.

Ходила по Ключевке и еще одна легенда, а может быть, и не легенда, а быль, которая, передаваясь из уст в уста, обрастала все более страшными подробностями, а потом стала преданием.

Прадед жил со старшим сыном Алексеем, которого горячо любил. Красавец, выше среднего роста, стройный, с большими черными глазами, обладающий к тому же прекрасным голосом, он имел успех у женщин.

Рассказывают, что внезапно рядом с домом прадеда вырос

еще один дом – кирпичный, двухэтажный.

И жили в нем муж, заядлый охотник, и жена – молодая, красивая, отличная от деревенских. Одевалась она по-городскому, со вкусом и, зная себе цену, держалась со всеми довольно высокомерно. Не упускала случая подчеркнуть и необыкновенную мужнину любовь. И так случилось, что Алексей влюбился в соседку и буквально потерял голову. Они стали любовниками. А в деревне ведь ничего не скроешь... Пошли слухи. Донесли мужу. Тот пригрозил Леше страшной карой.

Прадед прослышал про угрозу и решил убрать полюбовницу с дороги любимого сына. Когда соседка была одна, он подкрался к дому с охотничьим ружьем и выстрелил через окно. Заряд попал женщине в голову. И, как рассказывают люди, мозги несчастной красавицы разлетелись в разные стороны, налипли на потолок и на стены. У вернувшегося с охоты мужа волосы встали дыбом от этого зрелища.

Женщину похоронили. Муж убитой искал преступника, но безуспешно.

Прошло какое-то время, и соседи стали наблюдать совсем уж жуткую картину. С наступлением темноты за окнами печального дома загорались маленькие огоньки, а у ворот бегала, невесть откуда взявшаяся, большая белая собака.

Напуганные сельчане стали обходить стороной этот дом. Примерно через год красавец Алексей опять влюбился. На этот раз – в девушку восемнадцати лет, с голубыми глаза-

ми, темными ресницами и длинной светлой косой. Звали ее Анной. Родители Анны умерли от тифа, и она жила вдвоем со старшим братом в большой бедности.

Многие парни заглядывались на девушку, но она ни на кого не обращала внимания. Ни в деревенские компании, ни на гулянья не ходила. Слыла трудолюбивой и скромной, худого слова никто сказать о ней не мог.

Алексей был настойчив и, видно, покори́л сердце девушки. В общем, произошло то, чего никто не ожидал – ни мой прадед, который хотел только богатую жену для сына, ни брат Анны, который не сомневался в ее непорочности. Анна забеременела от Леши и родила сына.

Прадед смириться и с этим не мог. Опять задумал ужасное...

Однажды брат, придя с работы, обнаружил сестру мертвой. Ее зарубили топором и сбросили в погреб. На стенах погреба остались следы от окровавленных пальцев. Видимо, какое-то время Анна была еще жива и пыталась выбраться наружу.

Брат бросился к люльке, где лежал ребенок. Она была пуста. Тут он услышал приглушенный плач, доносившийся с кровати. Из одеяла он извлек полузадушенного младенца – он был завернут в одеяло с головой.

На этот раз подозрение в убийстве падало на одного-единственного человека – моего прадеда, отца Алексея. Отыскалась неопровержимая улика – топор с прилипшими к нему

длинными светлыми волосами. Он был найден в колодце возле дома. Прадеда посадили. В тюрьме он пробыл полгода и опять появился в деревне. Видимо, его выпустили, потому что, безусловно, он был ненормален, психически болен. А в больницу его нельзя было положить. В ту пору в деревне даже фельдшера не было.

Алексей очень тяжело пережил смерть Анны. Он больше не улыбался, перестал петь. Избегали его не только девушки, но и все жители деревни. Да и ему самому все стало безразлично.

Через некоторое время прадед все-таки женил Лешу на богатой. Но счастья не было, прожили они вместе недолго. Проклятье как будто лежало и на Алексее. Как рассказывают, его убил муж соседки, его первой любовницы. Убил – и сбежал из деревни. Исчез навсегда.

С тех пор кирпичный дом, один из лучших в деревне, стоял заброшенный, пустой. А возле другого дома, где когда-то жила Анна с братом, выла по ночам странная белая собака. Так, по крайней мере, гласит деревенская легенда.

Но неужели этот страшный человек, жестокий убийца и был моим прадедом? Не верю.

Отец и Антоновское восстание

Одно из первых детских воспоминаний – восстание Антонова на Тамбовщине и мой отец на вороном коне. Поначалу Антонова поддерживали в основном зажиточные крестьяне, которым было что терять после установления советской власти. Но потом отряд стал увеличивать численность – в него начали вступать бедняки.

Дед рассказывал, что как раз в это время мой отец, Николай Иванович Татаринев, вернулся с нефтяного промысла из Грозного. Однажды ночью в его дом явились антоновцы и предложили вступить в отряд. Говорят, что отец отказывался. Они пригрозили расчитаться с ним, припугнули оружием, и под страхом смерти он согласился.

Антонов был милиционером в Кирсанове, вернее, начальником уездной милиции, членом партии эсеров... Когда началась революция, он вернулся из ссылки, а осенью 1918 года уже поднял восстание. Постепенно его отряд превратился в армию численностью чуть ли не 50 тысяч человек. Антоновцы нападали на склады с оружием, на красноармейские части, милицию.

Антонову понравилось, как отец играет на гармошке, и он оставил его при себе на особом положении – услаждать слух своим искусством. С тех пор к отцу приклеилась кличка «Колька-гармонист».

Отец ушел из семьи сразу после моего рождения. Вернее, мама от него ушла. Он уже признался, что нашел другую женщину, в Грозном. Правда, потом он каялся, говорил, что бросит эту женщину, что любит только маму. Но мама не простила. Она была красивая и гордая. Отец был тоже хорош собой: высокий, кудрявый, с черными глазами. Я похожа на отца.

Когда мне было лет пять-шесть, я первый раз увидела отца. Он тогда уже состоял в отряде Антонова. Наш дом стоял на горке, на отшибе. Отец прискакал на вороном коне, за плечами – гармонь, в руках какой-то сверток. Мама что-то делала возле дома. Как сейчас, помню его улыбку и голос:

– Это детям.

Я выбежала на улицу и спросила:

– Кто это?

Мне сказали:

– Это твой отец.

Видно, отец хотел вернуться в семью. Он любил маму и не мог смириться с тем, что они расстались. Но мама по-прежнему не хотела прощать.

Отец хотел сойти с коня, чтобы повидаться с нами, с детьми. Кажется, это был 1919 год. Но мать бросила под гору его подарок. Сверток развернулся, и я увидела отрез ситца...

Отец в ярости ударил хлыстом вороного и рванул с места. Мама вбежала в избу и залилась горячими слезами.

Это было последнее свидание моих родителей. С тех пор

мы ничего не знали об отце и считали, что он погиб при разгроме антоновского отряда. Восстание подавили, а сам Антонов был убит при аресте.

В автобиографии я потом писала, что мой отец был бандитом.

Дочь Люба сердится, когда я называю отряд Антонова бандой. Мол, сейчас другие времена, антоновское восстание было против советской власти, и все они были людьми благородными. Но я-то помню совсем другое... Эти страшные картины до сих пор стоят у меня перед глазами.

В нашей семье жил племянник деда Андрей, родители которого умерли от сыпного тифа, когда ему было всего десять лет. С четырнадцати лет он уже самостоятельно зарабатывал на кусок хлеба. Потом стал каменщиком. Работа была сезонная: летом он строил в городе дома, а осенью и зимой жил у нас в деревне.

В 19-м Андрей задержался в городе и возвратился только в январе. В селе прошел слух, что он стал коммунистом. Люди из отряда Антонова стали за ним охотиться. Но дед надежно прятал Андрея. Тогда антоновцы взяли в заложники маминого брата Ивана. А ему всего-то было шестнадцать! Ивана отвели в дом соседей, сын которых служил у Антонова. Мальчишку раздели догола и стали избивать шомполами, то и дело спрашивая:

– Скажи, красная сволочь, где скрывается твой брат?

Но Иван не выдал Андрея. Полумертвого, его бросили в

сени. С большим трудом он выполз на улицу, где его и подобрали добрые люди.

Но дядю Андрея все-таки поймали. Разъяренные антоновцы устроили над ним самосуд. Вывели раздетого на улицу, приказали и всем нам выйти из домов.

Поставили дядю Андрея возле проруби, ударили чем-то тяжелым по голове и толкнули под лед.

Цыганенок и колдунья

В детстве я была очень худенькая, с тонкими руками, ногами-палочками и большой головой. Большой она казалась из-за копны черных, густых, кудрявых волос. Смеялась я редко, но никто не помнил меня и плачущей, хотя я часто сажала себе синяки и вечно ходила в царапинах. Прозвище у меня было Цыганенок.

– Эй, Панечка, – шутили старшие, – почему у тебя волосы такие густые да кудрявые? Не девочка, а вылитый цыганенок! Наверное, подобрали тебя, когда из кибитки вывалилась...

Когда меня кто-нибудь обижал, я и впрямь верила, что я найденыш, и жалела себя за то, что моя настоящая мама неизвестно где.

Второе прозвище – Чабаниха – казалось мне более обидным. Оно было связано с родителями отца, которых все называли чабанами, то есть вечными пастухами. Я же этих людей не только не любила, но и боялась до смерти. Как, впрочем, и родного отца, который после развода хотел забрать меня к себе. Я жизни не мыслила без мамы, Тани и деда!

Взрослые в нашей семье трудились с утра до вечера, и мы, дети, были полностью предоставлены сами себе. Естественно, с нами случались разные происшествия, порой довольно опасные.

Однажды я свалилась в колодец с водой для полива огорода. К счастью, он был неглубокий. Меня вытащил мой крестный, дядя Федя, уже захлебнувшуюся. Он взял меня за ноги, потряс вниз головой, вода вылилась, и я пришла в себя.

Маленькая я была очень доверчивой. Помню, в праздник Крещения стоял невероятно сильный мороз. Вместе с другими ребяташками я пошла в церковь. Окна там были покрыты не просто инеем, а толстой коркой белого снега. Ребяташки мне и говорят:

– Смотри, Паня, это сахар.

Очень хотелось есть. Я поверила. Стала слизывать снег с окна, и язык у меня прилип. Я еле-еле оторвала его от стекла. Но часть кожицы слезла. Несколько дней я ничего не могла взять в рот.

Еще один эпизод. У соседей прогнила соломенная крыша. Решили делать новую, старую солому сняли. Перед домом вырыли яму, наполнили ее глиной с водой, чтобы замачивать новую солому. Но хозяин прихворнул, а молодым было недосуг – так и стояла избенка без крыши. Вода в яме испарилась, глина засохла.

Детвора решила устроить соревнование: кто прыгнет с домика дальше всех и не попадет в глинистую яму. Открывала соревнования я, как самая маленькая, глупая и потому бесстрашная. Подбадриваемая всей компанией, разбежалась и прыгнула. И попала прямо в яму!..

Очнулась на руках все того же дяди Федя, моего всегдаш-

него спасителя. Он куда-то бежал. Опять потеряла сознание. Смутно помню лицо склоненной надо мной женщины. В деревне ее считали колдуньей. Она смотрела на мою ногу и качала головой. Я тоже попыталась взглянуть. О ужас! Там, где должны были торчать пальцы, на меня почему-то глядела пятка!

Колдунья бормотала непонятные слова, а потом повернула мою стопу на все сто восемьдесят градусов. Я вновь потеряла сознание.

Пришла в себя дома от резкой боли в ноге. Стопа в суставе была перетянута тряпкой, пропитанной коровьим навозом. Пальцы и пятка были на месте.

Я и теперь с глубокой благодарностью вспоминаю мою колдунью. Если бы не она, я бы осталась калекой. Женщина эта, безусловно, обладала талантом врачевания. И многое из ее практики пригодились мне впоследствии.

Во всяком случае, первую хирургическую операцию я провела в четыре года.

Первая операция

Была весна, праздновали Пасху. Взрослые ушли в церковь. Дома оставались малыши от четырех до шести лет. Как только проснулись, сразу захотелось есть. В доме пахло куличами. Но то был лишь запах, сами куличи унесли в церковь. Кто-то надумал поджарить семечки от подсолнуха. Так и сделали, каждому досталось по горстке крупных и вкусных семечек.

Неожиданно у одной из девочек, Настеньки, зачесался нос. Она и ковыряла в нем, и била кулачком – ничего не помогало.

– Паня, Паня! – хныкала она, с трудом выговаривая слова. – Семечки насыпь...

Я с удовольствием набила обе половинки ее носика очищенными семечками. Вскоре Настеньке стало трудно дышать. Мы принялись извлекать семечки из носа, но они закрепились глубоко и как бы спрессовались. Настя заревела. Она редела все громче и громче. Я испугалась, что прибегут соседи и нам здорово влетит.

И тут я увидела хорошо наточенный кривой нож, который лежал возле недоплетенного лаптя. Не раздумывая, схватила его и поднесла к Настиному носу. Настенька вскочила на ноги, бросилась в сторону, стараясь увернуться от острия. Но было поздно. Нож пропахал ей верхнюю губу. Не знаю,

почему я это сделала? Наверное, по наитию.

Что тут началось! Оглушительный крик, громкий плач... Однако вместе с кровью и соплями выскочили все до единой семечки. Девочка стала дышать нормально. Правда, губа здорово кровоточила. И тут я вспомнила, как однажды сама себе залепила содранную коленку клеем со ствола вишни. Кто-то из детей немедленно был послан в сад. Как заправский доктор, я сжала края разрезанной губы, склеила вязкой лепешечкой и затянула полотенцем.

Можно сказать, операция прошла успешно. Правда, дня два Настя не могла взять в рот ни крошки... Особенно убивалась она из-за кулича.

В наказание за операцию меня крепко отшлепала мама. Ягодицы мои долго горели.

Грустные песни мамы

Мне кажется, моя мать от природы была человеком одаренным, но судьба ей досталась нелегкая, а в чем-то и трагическая... Она окончила всего лишь три класса церковно-приходской школы и с восьми лет уже работала. Сначала – на табачных плантациях. В наших местах, особенно на заливных лугах, табак вырастал выше человеческого роста – настоящие джунгли. Случалось, не только дети, но и взрослые, заблудившись в зарослях, теряли сознание от испарений. Потом мама трудилась на торфоразработках под Москвой. Служила и в домработницах в Москве. Позже работала на прядильно-ткацкой фабрике.

Она очень хорошо пела. Голос был сильный, низкий, почти такой же, как у Руслановой. Еще в школе один дьячок заметил ее голос и даже научил нотам. Она потом пела в церкви. А после революции выступала в клубах. Мне кажется, она всегда пела. Но песни были все больше грустные. Бывало, все в деревне выходило ее слушать. Наш дом стоял на горе, и голос мамы разносился по всему селу.

Замуж второй раз она так и не вышла... Не захотела, несмотря на прекрасную внешность, ум и твердый характер. Уж очень большая была семья! На ее руках были и собственные дети, и младшие братья и сестры. Она все умела: и ткать, и шить, и вязать... А любила, кажется, только петь

свои грустные песни... В ее жизни было немало трагедий. Взять хотя бы эту историю с ребенком-подкидышем.

Когда мама окончательно рассталась с моим отцом, она еще не знала, что беременна третьим ребенком. Перед самыми родами тяжело заболела, десять дней пролежала в беспомощности: то ли это был сывняк, то ли начиналась родовая горячка. Никто не мог определить, что с ней.

Роды принимала у нее подруга Ольга в своем доме. Как рассказывали, Ольга боялась, что мама не выживет, а если и выживет, то долго не оправится от болезни. Мол, муж бросил, ушел к другой, на руках, помимо своих детей, целое семейство. Куда тут третьему?

Не посоветовавшись ни с кем, Ольга завернула в тряпье новорожденную, еще безымянную девочку, и на попутной подводе отвезла за двадцать километров в районный центр Инжавино, где и подбросила кому-то. А бабушке и дядьям сказала, что ребенок родился мертвым и она сама его похоронила.

Придя в сознание и узнав, что ребенок умер, мама впала в тяжелую депрессию. Семь лет Ольга молчала – боялась. А потом все-таки покаялась в своем грехе. Долгие годы мама разыскивала свою дочь, но так и не нашла. С нами, детьми, своим горем не делилась.

После революции жизнь ее стала налаживаться. Сначала она занялась общественной работой. Потом стала председателем исполкома в одном из районов Тамбовской области. В

это время в стране шла коллективизация, началось раскулачивание.

Однажды в деревне собирали колхозные семена для посева. Председателя колхоза на месте не было, куда-то уехал. Ключ от склада с семенами дали на время матери. Крестьяне узнали, у кого ключ, решили отобрать и проникнуть на склад. Миром не получилось. Тогда кто-то из зажиточных выстрелил в маму из охотничьего ружья... У нее так и остался шрам над бровью, куда попала дробишка. А потом... Захватили в заложницы Таню и стали у всех на виду зверски избивать...

Этот день стал последним днем работы мамы в должности председателя райисполкома.

Мать поехала в Тамбов, сказала, что не хочет быть председателем.

– Мало того, что на меня покушение уже было. Не согласна я отбирать у хороших хозяев их добро!

– Ты что, с ума сошла? – закричал один из начальников. – Ты коммунистка! Должна делать то, что велит партия.

Но через некоторое время все-таки ее освободили от должности. Она очень хотела заниматься пчеловодством. Край наш был цветущим, пчелиным. А в деревне стояло всего два улья. Все-таки мама настояла на своем, ее перевели в Воронеж, где она и стала заниматься пчеловодством. Она всему училась сама, но многие специалисты удивлялись широте ее познаний. Воронежский мед был необыкновенно по-

лезным и вкусным, особенно славился гречишный. Его продавали за границу, да и платили как следует.

Детский дом и покровитель Василий

Мне исполнилось десять лет, когда закончилось мое детство. Нищее, полуголодное, но все-таки счастливое.

В Паревке я окончила три класса. Надо было учиться дальше. Работа мамы теперь была связана с разъездами по области. Пока было возможно, старшая сестренка Таня была при ней. Но примерно с седьмого класса Таню определили в детский дом. Было решено отправить туда и меня, младшую.

Помню, что привезли меня в Кирсановский детский дом почему-то зимой. На мне был вязаный платок, шуба не по росту и старые большие валенки. Кирсанов после нашей деревни показался мне большим городом: двухэтажные дома, церкви, каменная ограда бывшего монастыря... Возле его ворот лошади и остановились. В здании монастыря размещался теперь детский дом.

Первым делом я стала искать сестру Таню. Нашла не сразу. В поисках попала в какое-то большое помещение, где было много детей.

Кто-то из них крикнул:

– Ребята, новенькая!

И сразу по чьей-то команде дети выстроились в два ряда, образуя живой коридор. Мне было велено идти по этому коридору. Едва я сделала шаг, как на мою голову, спину, руки посыпались удары. Было не столько больно, сколько обидно:

за что? Я с трудом вырвалась из окружения.

У одной из колонн, скрестив на груди руки, стоял парень и смотрел на меня как будто с сочувствием. От безысходности я бросилась к нему, прижалась к широкой груди, ища защиты и утешения. А потом расплакалась. Он успокаивающе погладил меня по голове.

Позже я узнала, что этот парень был вожаком детдомовцев. И именно по его велению устроили мне экзекуцию. Было ему лет пятнадцать. Одна половина его лица была нормальной, другая представляла жуткое зрелище: вместо глаза и щеки – сплошной шрам. Спасителя моего звали Василий Кашковский. Ни отца, ни матери у него не было, до детского дома он беспризорничал. Несмотря на разницу в возрасте, мы оказались с ним в одном классе и даже сидели за одной партой. Наверное, это выглядело забавно: высокий детина и рядом – худенькая маленькая девочка. Кашковский был грозой детдома. Но ко мне относился очень внимательно, как к младшей сестренке, и никому не давал в обиду. Все диву давались: что это с ним произошло? Может быть, я была первым человеком, кто обратился к нему за помощью, попросил защиты?

Через много лет, уже после войны, я получила письмо от бывшей детдомовки Вари Сидоровой. Она сообщала, что Василий Кашковский погиб на фронте и что посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Я не могла представить, как человек с одним глазом попал в армию, а потом

на фронт... Скорее всего, он был партизаном. К сожалению, никаких подробностей я не узнала. На мое письмо Варя не ответила. А через какое-то время я узнала, что она умерла от фронтовых ранений.

Еще одно воспоминание о детском доме: именно здесь я впервые увидела и услышала рояль. Играл мой одноклассник Саша Абросимов, сын школьной уборщицы. Как и Василий, он был старше меня лет на пять. Как выяснилось, никто не учил его игре на фортепиано. Мелодии он подбирал по слуху и даже сам сочинял музыку. Талант, видимо, был дан ему Богом.

Я слушала игру Саши и буквально заболела музыкой. Мне очень хотелось научиться играть. Но к роялю меня не подпускала Сашина мама. Тогда воспитательница сжалилась надо мной и принесла детдомовскую гитару, которая пылилась где-то без надобности. Сколько было радости! Я стала подбирать на гитаре ту музыку, которую играл Саша на рояле. Через два года я уже играла вполне прилично.

Техникум, голод и монашка Феня

Семь классов я окончила в 1930-м. Но дальше учиться не могла. В стране начался голод. Детдом не мог прокормить всех детей, и старшие классы распускали. Мне пришлось возвратиться к дедушке в деревню. В Паревке тоже голодали. Появились первые детские гробики. Взрослые в поисках пропитания разбредались кто куда. Те, кто остался в деревне, пухли от голода. Сестра Таня ходила с дедушкой просить милостыню в районный центр и дальние деревни. Этими подаяниями мы и кормились кое-как. Потом сестра, окончив девятилетку, уехала в Москву и даже поступила в медицинский институт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.